А. А. Леонтьев

ЛИЧНОСТЬ КАК ИСТОРИКО-ЭТНИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

1.

При всем разнообразии теорий личности, развиваемых в советской психологии, их объединяет идея социогенеза личности вообще — социальной детерминированности таких целостных психических образований, как личность или сознание. Эта идея, на философском уровне четко сформулированная К. Марксом в «Тезисах о Фейербахе», а именно в шестом тезисе: сущность человека «есть совокупность (ensemble.— *А. Л.*) всех общественных отношений» [1], допускает, однако, очень различное собственно психологическое толкование.

Второе общее положение, с которым мы сталкиваемся в любом психологическом анализе личности,— это идея историогенеза личности, понимание личности как категории, исторически развивающейся; ее развитие отображает в снятом виде социально-экономическое развитие общества. Именно поэтому мы говорим, например, о «советском человеке», понимая его как определенный тип личности, характерный для эпохи развитого социализма. Данное положение резко противопоставляет советскую психологию различным социологическим и психологическим направлениям в зарубежной немарксистской науке, развивающим идею культурогенеза личности, т. е. рассматривающим личность как результат интернализации норм культуры, понимаемой как некая имманентно развивающаяся система. Для марксистско-ленинской социальной науки «культура свое реальное воплощение находит в деятельности людей»; она в то же время и способ осуществления человеческой деятельности; и объективное бытие культуры возможно в двух формах: «в «действиях людей и в различных опредмеченных продуктах деятельности» [2]. «Мерой» развития культуры является «развитие самого человека как общественного субъекта деятельности» [3].

Наконец, третье общее положение заключается в конкретно-историческом подходе к личности. Это означает, что не только определенная социально-экономическая формация, не только та или иная принципиальная ступень общественного развития, но и конкретно-исторические обстоятельства формируют тот или иной психический склад. Например, в нашей стране, где сложилась новая историческая общность людей — советский народ, сохраняются особенности личности, свойст-

---

[1] *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. Т. 3, с. 3.

[2] *Маркарян Э. С.* Вопросы системного рассмотрения культуры и человеческой деятельности.— В кн.: Исторический материализм как теория социального познания и деятельности. М.: Наука, 1972, с. 209.

[3] *Межуев В. М.* Культура и история. М.: Наука, 1977, с. 100.

венные отдельным этносам и обычно называемые «психическим складом нации» или «национальным характером»: «Все нации и народности, населяющие Советский Союз, сохраняют свои особенности, черты национального характера» [4].

Перечисленные положения составляют методологическую базу конкретно-психологического анализа исторического развития личности, но только и именно базу: сам этот анализ представляет задачу, пока что в рамках советской, да и зарубежной марксистской психологии не решенную. Это не значит, что мы вообще не располагаем исследованиями по исторической психологии. Можно сослаться, например, на прослеженную Б. Ф. Поршневым [5] динамику отношений индивида и общности, на анализ генезиса самосознания в книге И. С. Кона [6] и др., не говоря уже об исследованиях, посвященных историческому развитию познавательных процессов [7]. Однако каждое из этих исследований касается лишь одной из сторон той системной целостности, которую мы называем личностью; они носят (если воспользоваться терминологией современной лингвистики) скорее «диахронический», чем собственно исторический характер. Это — исследования не развития человека, а развития каких-то отдельных, пусть и очень значимых психологических особенностей или свойств человека, отдельных уровней или аспектов личности.

Может быть, однако, в таком конкретном психологическом и конкретно-историческом анализе и нет необходимости? К такой мысли приводит знакомство с некоторыми философско-социологическими и психологическими публикациями. Так, М. Я. Корнеев, строя социальную типологию личности, утверждает: «В историко-генетическом плане каждый социальный тип личности представляет определенное звено, качественную ступень в развитии личности... и в этом отношении включает в себя такое единство общеисторического и конкретно-исторического, когда и общеисторическое (родовая сущность человека), и индивидуальное, единичное присутствуют как бы в снятом виде в особенном (личность как представитель определенного общества)... Это особенное (определенная общественно-экономическая формация) выступает в структурном плане как общее по отношению к видовым общественным отношениям и социально-историческим общностям» [8]. Следуя за М. Я. Корнеевым, мы приходим в конечном счете к полной элиминации психологии, роль которой сводится к тому, что «каждой социально-исторической общности... присущи свои психологические особенности», а «это означает, что каждому социальному типу личности присущи свои социально-психологические особенности» [9].

Нет, конечно, никакого сомнения в том, что именно социально-экономическое развитие общества, смена формаций, изменение классовой структуры общества и борьба классов составляют основную движущую силу психологического развития личности. Но К. Маркс, полемизируя с Прудоном по поводу подхода к истории, недаром наряду с анализом потребностей, производительных сил, способа производства, общественных отношений указывает на необходимость исследовать, «каковы были люди в XI веке, каковы они были в XVIII веке...» [10]. Точно так же нет сомнения и в том, что существуют «социальные типы», «групповые и

---

[4] *Брежнев Л. И.* Ленинским курсом. Т. 4. М.: Политиздат, 1975, с. 243.

[5] *Поршнев Б. Ф.* Социальная психология и история. Изд. 2-е. М.: Наука, 1979.

[6] *Кон И. С.* Открытие «Я». М.: Политиздат, 1978.

[7] См., например, *Лурия А. Р.* Об историческом развитии познавательных процессов. М.: Наука, 1974.

[8] *Корнеев М. Я.* Проблемы социальной типологии личности. Л.: Изд. ЛГУ, 1971, с. 16—17.

[9] Там же, с. 31.

[10] *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. Т. 4. с. 138.

классовые типы» (В. И. Ленин)[11]; но реальные люди, действительные личности, живущие в том или ином конкретном обществе, в ту или иную конкретную историческую эпоху, не сводимы целиком к этим типам. Более того, само соотношение социального типа и конкретного человека исторически изменчиво. «Способ отношений между базисами данной общественной формации и разнообразием индивидов, порожденных ею, неизбежно является конкретным, разнообразным и исторически изменчивым... каждая общественная формация определяет свой собственный тип случайности в отношениях между индивидуальным и социальным»[12].

«В истории общества действуют люди, одаренные сознанием, поступающие обдуманно или под влиянием страсти, стремящиеся к определенным целям...»[13]. Одна из важнейших задач исторической психологии и заключается в том, чтобы понять, что стоит за понятием «люди» в различных обществах и в различные эпохи: в каких конкретных формах выступает в истории человечества та целостность, которую мы называем личностью, какова связанная с этой динамикой личности историческая динамика форм сознания и видов деятельности человека. Для того чтобы решить эту задачу, мы должны исходить из той или иной общепсихологической концепции личности. Но, с другой стороны, и vice versa: данные исторической психологии могут помочь нам более ясно представить себе психологическую сущность и психологическую структуру личности. В этом смысле подход с точки зрения исторической психологии есть способ верификации общепсихологической теории. А учитывая, что одним из важнейших источников конкретно-психологического исторического исследования является история культуры, можно сказать, что анализ истории культуры выступает здесь как косвенный метод общепсихологического исследования.

2.

Очевидно, какой бы концепции личности мы ни придерживались, мы не можем не признавать наличия в деятельности человека определенных вариантов как протекания, так и самой структуры тех или иных психических процессов. Это могут быть как сосуществующие (в одну историческую эпоху), так и последовательно переходящие друг в друга варианты; в первом случае мы имеем дело с этнопсихологическим, во втором — с историко-психологическим варьированием, хотя в реальной человеческой истории отделить эти два вида варьирования друг от друга чрезвычайно затруднительно, если вообще возможно. Но во всяком случае, экспериментально показав саму возможность социогенного варьирования психических процессов, мы делаем вполне вероятным и более частное допущение их исторической неоднородности.

В качестве примера такого экспериментального исследования мы можем привести нашу работу, выполненную вместе с психологом из СРВ Буй Динь Ми[14]. В ней было продемонстрировано, что в условиях свободного выбора стратегий вьетнамские и русские испытуемые: а) по-разному расчленяют цветовой спектр на «цветовые зоны» и мелкие цветовые оттенки; б) используют разные стратегии при решении задач на узнавание цветовых оттенков: вьетнамцы — «предметную» (типа «цвет рассады риса»), а русские — «вербальную» (типа «светло-светло-зеленый»). Важным результатом работы явилась также четко показанная относи-

---

[11] См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 39, с. 140: «Дело... именно в социальном типе, а не в свойствах отдельных лиц»; т. 36, с. 207: «Личные исключения из групповых и классовых типов, конечно, есть и всегда будут. Но социальные типы остаются».

[12] *Сэв Л.* Марксизм и теория личности. М.: Прогресс, 1972, с. 346.

[13] *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. Т. 21, с. 306.

[14] *Буй Динь Ми, Леонтьев А. А.* Экспериментальное исследование роли языка в перцептивной и мнемической деятельности.— В кн.: Общая и прикладная психолингвистика. М., 1973.

тельная независимость расчленения спектра от системы языковых цветообозначений, во всяком случае, невозможность судить по цветообозначениям о том, как та или иная группа испытуемых «видит» спектр.

Этот и другие аналогичные эксперименты ставят под большое сомнение многие историко-психологические построения, основанные прежде всего именно на анализе данных языка, и вообще правомерность непосредственного обращения к фактам культуры для получения данных о психике человека. Задача «через историю творений воссоздать историю ума, человеческих функций» (И. Мейерсон) в принципе не может быть решена, если мы не обратимся к той деятельности, в которую включены исследуемые нами психические процессы и функции. Такой подход был декларирован, но не реализован представителями так называемой «исторической психологии» — И. Мейерсоном, Ж.-П. Вернаном и др.[15] В советской науке он представлен прежде всего фундаментальным исследованием А. Р. Лурия, исходившего из того, что «в процессе исторического развития меняется строение психической деятельности, а вместе с тем не только содержание, но и основные формы познавательных процессов»[16]. Он показал, что даже такие процессы, как восприятие цветовых оттенков и геометрических форм, в рамках одного и того же (узбекского) этноса зависят от характера практической деятельности испытуемых. Соответственно различается поведение испытуемых в эксперименте на классификацию предметов, в чем А. Р. Лурия усматривает различные формы мышления и соотносит свои результаты с преобладающей у испытуемых формой общественной практики; экспериментах на нахождение сходства; экспериментах на определение понятий; наконец, аналогичные результаты получены при анализе логических рассуждений. А. Р. Лурия выдвигает итоговое «положение об историческом формировании реальных процессов отвлечения и обобщения и их теснейшей зависимости от конкретных исторических форм общественной практики», что, по его мнению, «дает все основания для коренного пересмотра тех концепций о неизменности основных категорий мышления, которые в течение веков оставались основными в философии и психологии»[17].

Так или иначе, несомненными фактами являются, с одной стороны, культурно-этническая вариантность психических процессов при тождестве характера деятельности, с другой — детерминирующее воздействие социально-исторических по происхождению различий в деятельности на осуществление этих психических процессов. (В этой связи можно сослаться также на цикл исследований Г. А. Брутяна по философским проблемам «гипотезы лингвистической относительности» Э. Сепира — Б. Л. Уорфа; одним из важнейших выводов этого автора является последовательное разграничение влияния языка на поведение — это влияние неопровержимо — и обуславливания поведения языком — оно не может иметь места)[18]. При этом мы сталкиваемся с *неосознаваемыми операциональными компонентами* деятельности, т. е. с перцептивными, мнемическими, мыслительными операциями. Характер историко-этнической детерминации здесь облигаторный, осуществляемый через

---

[15] См. об этом направлении: *Анцыферова Л. И.* Материалистические идеи в зарубежной психологии. М.: Наука, 1974, с. 219 и сл.; *Поршнев Б. Ф.* Указ. раб., с. 188 и сл.; *Тутунджян О. М.* Прогрессивные тенденции в исторической психологии Иньяса Мейерсона.— Вопросы психологии, 1963, № 3.

[16] *Лурия А. Р.* Указ. раб., с. 19.

[17] *Лурия А. Р.* Указ. раб., с. 105. Ср. в этой связи также известные работы: Исследование развития познавательной деятельности/Под ред. Брунера Дж. и др. М.: Педагогика, 1971; *Коул М., Скрибнер С.* Культура и мышление. М.: Прогресс, 1977; *Тульвисте П.* О теоретических проблемах исторического развития мышления.— В кн.: Принцип развития в психологии. М.: Наука, 1978.

[18] *См. Брутян Г. А.* Очерки по анализу философского знания. Ереван: Айастан, 1979, с. 189.

систему операциональных установок, лишь вторично подвергаемых (или не подвергаемых) рефлексии.

Однако для нас наиболее интересна другая сторона вопроса, а именно: как конкретно-историческая обстановка (включая влияние языка и культуры данного этноса) определяет не просто различные варианты протекания тех или иных психических процессов, но некоторую систему соотношения психических процессов, характеризующую *деятельность человека определенной эпохи и определенного этноса*. Иначе говоря, основной проблемой на этом уровне анализа является целостный индивид как историческая или историко-этническая категория. К сожалению, насколько нам известно, в литературе такой подход почти не встречается, если не считать анализа коммуникативного поведения, т. е. этикетно-ритуальных компонентов общения [19].

3.

Историко-этническая вариантность психических процессов — это только один, далеко не определяющий аспект рассматриваемой проблематики. Гораздо важнее, как предметный и человеческий мир отражается в сознании человека данной исторической эпохи и данного конкретного этноса, каковы те элементы общественно-исторического опыта данного народа, которые интернализуются (интериоризуются) каждым отдельным человеком и образуют ту «картину мира», которая специфична для определенного этапа социально-исторического развития и в то же время для определенного этноса. С психологической стороны, это — система *значений*, усваиваемых человеком и составляющих базис его сознания. В отличие от первого уровня историко-этнической детерминации психики здесь мы имеем дело, во-первых, с феноменами, обязательно осознаваемыми, во-вторых, с принципиально иным характером самой детерминации — она не носит облигаторного характера. Я не могу выбрать способа мышления или способа восприятия, но я могу принять или не принять ту или иную социальную роль, норму или другой компонент социально-исторического опыта.

Значения, выступающие на рассматриваемом уровне, могут соответствовать разным социальным феноменам. Сюда относятся, во-первых, понятийные компоненты национальной культуры данного этапа ее исторического развития — то, что связано со специфическими реалиями данной культуры или специфическим осмыслением в ней тех или иных предметов и явлений. Значения этого типа в их педагогическом аспекте, т. е. как культурный компонент иностранного (в частности, русского как иностранного) языка, изучаются сейчас в рамках особой научной дисциплины, именуемой «лингвострановедением» [20]. Во-вторых, сюда относятся социальные установки и ценности, социальные нормы и социальные роли, отражающие систему общественных отношений в данном обществе или, более конкретно, образ жизни, характерный для данного этноса в данную эпоху. В-третьих, сюда относятся определенные стереотипы принятия решений в данной ситуации, стереотипы выбора действий, реализующих ту или иную деятельность, при этом «образ действия» выступает как частный случай значения [21].

Таким образом, на этом уровне, как и на первом, взаимодействуют факторы собственно социально-исторические и факторы этнические, факультативные по отношению к определенной социально-экономической формации. Можно обобщать первые из них (социально-исторические),

---

[19] См., например, коллективную монографию «Национально-культурная специфика речевого поведения». М.: Наука, 1977.

[20] См. *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Язык и культура. Изд. 2-е. М.: Русский язык, 1978.

[21] См. *Леонтьев А. Н.* Проблемы развития психики. Изд. 3-е. М.: Мысль, 1972.

говоря о «человеке античного общества», «человеке Возрождения». Допустимо, однако, обобщать только вторые (этнические), т. е. характеризовать особенности (или динамику развития) сознания в рамках определенного этноса, абстрагируясь от общих для многих этносов социально-исторических факторов, вынося «их» за скобки нашего исследования. В этом втором случае мы в основном и говорим о «национальном характере». Само собой разумеется, что это не означает внесоциального подхода, не означает признания «национального характера» некоторой внеисторической постоянной.

Человек, исторически детерминированный на уровне усвоенных им значений,— это еще не личность, а социальный субъект. Мир значений, в котором он живет, система фиксированных в этих значениях отношений, оценок, установок сами по себе не исчерпывают психических особенностей личности данной исторической эпохи и данной этнической культуры.

В этой связи важно подчеркнуть значение для нашей проблемы известной ленинской мысли о «двух культурах» в культуре буржуазного общества. Конечно, буржуа и пролетарии говорят на одном языке (хотя это и не всегда так в строго лингвистическом смысле); конечно, существуют детерминированные данной формацией, но «надклассовые» социальные нормы и ценности и т. д. Однако мир значений, в котором живет буржуа, во многом отличен от мира значений пролетария, и уже это дает нам основание говорить о «классовом характере» наряду с характером национальным, о психологии класса и ее особенностях[22].

Приведем некоторые примеры исследований историко-этнической специфики, осуществленные под разными углами зрения. Классическим, можно сказать, примером исследования «классового характера», осуществленного на богатом конкретно-историческом и конкретно-этническом материале, является монография Вернера Зомбарта «Буржуа», где исследуется формирование и развитие психологии определенного классового типа, «который наделяется отдельными содержаниями сознания или комплексом содержаний сознания как его психологическими свойствами»[23].

С противоположной точки зрения исследован «социальный субъект» в монографии Б. Х. Бгажнокова «Адыгский этикет», где вводится интересное понятие конструктивных принципов этикета: принцип скромности и толерантности, принцип почитания старших, принцип гостеприимства, принцип почитания женщин, принцип ремотивации коммуникативных действий. При этом автор показывает реальную значимость в поведении даже современных адыгов таких категорий, как «нэмыс» — обобщенное выражение всех наиболее важных положительных черт личности, ценных в народе: скромности, вежливости, честности, уважения к старикам, к женщине, к гостям и т. д. — и «адыгагъэ», т. е. «адыгство» — это «долг рыцарской чести, основанный на принципах адыгского этикета, на идеализированных свойствах национального характера»[24]. Важно отметить, что эти категории не носят классово или вообще социально ограниченного характера, но являются общими для всего этноса. (Это не должно вызывать удивления: подобного рода общеэтические категории описаны многократно различными исследователями.

---

[22] См.: *Дилигенский Г. Г.* Классовая психология.— В кн.: Социальная психология/ /Под ред. Предвечного Г. П. и Щерковина Ю. А. М.: Политиздат, 1975; *Миронов В. В.* Психология класса. Л.: Изд. ЛГУ, 1975. Однако при анализе психологии класса нельзя обойтись без обращения к личностно-смысловым образованиям: см. *Леонтьев А. А.* Смысл как психологическое понятие.— В кн.: Психологические и психолингвистические проблемы владения и овладения языком. М.: Изд. МГУ, 1969.

[23] *Зомбарт В.* Буржуа. Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. М.: ГИЗ, [1924], с. 5.

[24] *Бгажноков Б. Х.* Адыгский этикет. Нальчик: Эльбрус, 1978, с. 62.

Ср. анализ различия понятий «воля» и «свобода», «храбрость» и «удаль» у Д. С. Лихачева [25].)

Наконец, возможен и такой подход, при котором мы, опять-таки «вынося за скобки» классовые различия, стараемся раскрыть особенности «социального субъекта» в определенную историческую эпоху, реализующиеся в том или ином конкретном этносе или имеющие надэтнический характер. Таков, например, цикл работ А. Я. Гуревича о человеке Средневековья или известное исследование Р. Мандру о психологии француза эпохи Возрождения [26]. Аналогичный характер имеет осуществленное М. М. Бахтиным монографическое исследование народной культуры Франции эпохи Средневековья и Ренессанса, получившее широкую известность в литературоведении, но недооцененное, на наш взгляд, психологами [27].

В силу того что система интериоризуемых значений обязательно проходит этап осознания, можно с известной определенностью судить о «социальном субъекте» прошлых эпох и иных этносов по текстам, отражающим эти системы значений. Сюда относятся как документы (юридические, например), так и философские [28], публицистические, политические сочинения, мифология и фольклор [29] и т. д. На практике мы широко пользуемся ими, но методология психологически ориентированного анализа источников не выработана. Между тем при таком анализе встает целый ряд принципиальных вопросов, например в каком соотношении находятся реальный (типовой) социальный субъект и, с одной стороны, идеальная модель такого субъекта (формулируемая часто в виде набора определенных социальных и морально-этнических свойств, имеющего прескриптивный характер), с другой — «эталонный» социальный субъект, на которого спроецирована система значений. Другая проблема — художественный текст как источник на разных этапах социально-исторического и литературно-художественного развития разных жанров; так, например, древнерусская проза, в частности агиографическая, несомненно, дает много интересного для понимания психологической эволюции «социального субъекта» в русском Средневековье и Предвозрождении, на что обратил внимание Д. С. Лихачев [30].

4.

Мы подошли уже очень близко к основной проблеме, интересующей нас,— к проблеме именно л и ч н о с т и как исторической или историко-этнической категории. Она особенно сложна уже потому, что, как известно, в современной психологии, в том числе советской, нет единства в определении и понимании того, что такое личность. Некоторое представление о многообразии подходов к ней дает недавняя статья Е. В. Шороховой [31].

---

[25] *Лихачев Д. С.* Заметки о русском.— Новый мир, 1980, № 1, с. 12—13.

[26] *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1972; *Mandrou R.* Introduction à la France moderne. Paris, 1961, и др.

[27] *Бахтин М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Худ. лит., 1965.

[28] Нельзя не согласиться с Зомбартом, что для характеристики «психологии буржуа» в эпоху зарождения этого класса представляет живой интерес, например, даже перечень основных христианских добродетелей у Фомы Аквинского: см. *Зомбарт В.* Указ. раб., с. 192—193.

[29] Ср. в этой связи работы А. И. Клибанова, Л. А. Когана, П. Я. Мирошниченко, К. В. Чистова и др., имеющие важное значение для уяснения социальной психологии русского крестьянства.

[30] См.: *Лихачев Д. С.* Человек в литературе древней Руси. 2-е изд. М.: Наука, 1970; *его же.* Развитие русской литературы X—XVII веков. Л.: Наука, 1973.

[31] *Шорохова Е. В.* Тенденции исследований личности в советской психологии.— Психол. ж., 1980, т. 1, № 1.

Разделяя в принципе понимание личности, развитое в трудах А. Н. Леонтьева, мы хотели бы подчеркнуть, что личность, как мы ее понимаем,— это не то, чем человек является, что он есть и что может быть сведено к определенной, специфической для данного индивида системе интериоризованных значений. Как говорил А. Н. Леонтьев в одной из последних своих работ, исследование личности есть «исследование того, *что*, *ради чего* и *как* использует человек врожденное ему и приобретенное им», и психологическая реальность личности «есть особая реальность, *не совпадающая* с реальностью самих по себе взятых психологических процессов, с тем, чему ребенка, человека можно научить» [32]. Иными словами, «личность человека ни в каком смысле не является предшествующей по отношению к его деятельности... Исследование процесса порождения и трансформации личности человека в его деятельности, протекающей в конкретных социальных условиях, и является ключом к ее подлинно научному психологическому пониманию» [33].

В этом плане для нас представляет особый интерес критика «исторической психологии» в известной работе Л. Сэва. Он совершенно правильно подчеркивает, что, «хотя индивид находит свою человеческую сущность вне самого себя, в социальном мире, *психологическая форма этой человеческой сущности есть следствие конкретной индивидуальности*» [34]. Это важнейшее положение противостоит разного рода вульгарно-социологическим и культурологическим концепциям, для которых личность есть не более чем интериоризованная социальная структура, в частности упрощенческим попыткам ряда авторов отождествлять «сущность человека» с «личностью» при истолковании цитированного выше шестого «Тезиса о Фейербахе».

Итак, личность есть абстракция совсем иного порядка, чем индивид как субъект психических процессов, свойств и состояний и чем «социальный субъект». От последнего к личности нет прямого перехода; личность как тип не есть «социальный субъект», включенный в какую-то новую систему, хотя социальный субъект может рассматриваться как предпосылка формирования определенного типа личности. В этом и заключается основная, кардинальная трудность исторического подхода к личности, разрешаемая лишь одним путем — обращением к *исторической психологии деятельности*, к анализу не самих по себе социальных явлений в их отображении в личности, но видов и направленности социальной деятельности данного класса в данном обществе и в данный исторический период. Направленность ее деятельности означает характер ее ведущих мотивов, иерархию этих мотивов в личности и деятельности.

Мы часто отождествляем личность с иерархией мотивов человека. Это лишь частично верно. Возьмем такое психологическое образование, как убеждение. Чем оно отличается, скажем, от социальной установки? Социальные установки — это, так сказать, система социальных ориентиров личности, своего рода классификационная схема, накладываемая человеком на окружающий его человеческий мир. Это — часть «социального субъекта»; и если я имею, скажем, позитивную установку по отношению к чьему-либо поведению, то она вполне может так и остаться только установкой. Другое дело — убеждение: это прежде всего проекция поведения другого на самого себя по модели «я тоже поступил бы так же». Но чтобы этот поступок состоялся, нужно, чтобы сложилась определенная ситуация деятельности и чтобы существовал актуально

---

[32] *Леонтьев А. Н.* Конспект выступления на психологическом факультете МГУ. Рукопись (хранится в архиве семьи А. Н. Леонтьева).

[33] *Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. Изд. 2-е. М.: Политиздат, 1977, с. 173.

[34] *Сэв Л.* Указ. раб., с. 374.

действующий мотив данного поступка; иными словами, для поступка нужны все три компонента — и социальная установка, и убеждение, и мотив. Принятие или формирование убеждения или, точнее, системы убеждений, образующих определенную направленность личности, зависит и от системы социальных установок «социального субъекта», и от мотивационной структуры личности; совершение поступка зависит, как уже сказано, и от направленности личности, и от конкретного мотива в определенной ситуации деятельности.

Как раз поэтому так сложен процесс идейно-политического, трудового, морально-этического воспитания молодого поколения. Мало заложить в человека систему значений, систему социальных установок — этим мы порой и ограничиваемся. Именно об этом ясно и четко говорится в постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы»: «Знание революционной теории, политики партии должно превращаться у советских людей в убеждение, активную жизненную позицию стойкого борца за коммунизм, против любых проявлений чуждой идеологии, в руководство к действию для решения актуальных проблем развитого социализма»[35]. Но чтобы сложилась и стала «руководством к действию» эта активная жизненная позиция, с уровня интериоризованных значений мы должны перейти на уровень личностных смыслов, — та или иная организация этих личностно-смысловых образований как раз и есть то, что выше было названо направленностью личности.

Анализируя историческую динамику личности, мы, по-видимому, должны искать такие методы ее исследования, которые позволили бы нам понять специфику личностно-смысловых образований человека, живущего в том или ином обществе, в той или иной конкретно-исторической обстановке, взятых в действии, как движущая сила деятельности. И здесь мы располагаем богатейшим источником, к разработке которого психология почти и не приступила: это искусство, и в особенности художественная литература. Можно даже сказать, что это единственный источник, позволяющий нам «проникнуть в душу» человека прошлых поколений, раскрыть именно особенности его личности, а не только систему значений, норм, установок человека той или иной эпохи. К сожалению, у нас нет разработанной методологии историко-психологического исследования искусства.

Но этого мало. Из сказанного ясно, что такой анализ будет неполным и субъективным, если он не будет строиться на историко-материалистическом анализе исторической динамики *социальных действий* людей, если мы не будем осуществлять этот анализ прежде всего в плане исторической психологии деятельности. А это означает необходимость не только традиционного исторического, но и социально-психологического исследования в историческом плане, однако и эта проблематика в нашей психологии разработана недостаточно. Во всяком случае, ни в одной обобщающей книге по социальной психологии из числа изданных в последние годы вопросы исторической социальной психологии специально не рассматриваются, если не считать упомянутой выше книги Б. Ф. Поршнева.

5.

Подведем основной итог сказанному выше. Во-первых, конкретно историко-этническая обусловленность психики проявляется на трех уровнях: уровне отдельных психических свойств или функций (или их системы, ансамбля); уровне социального индивида, т. е. системы усвоенных индивидом социальных значений; уровне личности, т. е. системы

[35] Правда, 1979, 6 мая.

личностно-смысловых образований как движущей силы «социальных действий». Во-вторых, остро необходима разработка методологии и методики историко-психологического исследования, прежде всего анализа источников. Но, в-третьих, для этого сама историческая (историко-этническая) психология должна приобрести более четкие концептуальные очертания.

Попытку такого определения ее предмета, границ, методов и внутренней структуры и представляет собой настоящая статья.

PERSONALITY AS A HISTORICO-ETHNIC CATEGORY

The personality characteristics in this or that ethnos and in one or another historical period cannot be directly deduced from the objective socdio-economic features of a given socio-economic formation. Proceeding from the principles of personality sociogenesis, personality historiogenesis (this approach being thus opposed to various theories of culture-genesis) and from concrete historical analysis, several levels of socio-historical determination of the psyche may be distinguished: a) the level of discrete mental traits or functions or a system of them; b) the level of the social subject or social individual, i. e. the system of social significations acquired by the individual; c) the level of the personality as such, i. e. the system of personality-significance formations as the motive force of social actions. The elaboration of a methodology and of methods for historico-psychological research, and primarily for the analysis of sources is vitally necessary. With this end in view historico-ethnic psychology must itself acquire a more sharply delineated outline, a clearer definition of its subject, its boundaries, its methods and internal structure.